

УДК 811.161.1'373'42:543.926 Есенин

РУСЕНКО Татьяна Ивановна,

аспирант кафедры общего языкознания и истории языка Донецкого национального университета; Донецк, Украина;

e-mail: rusenko-tanya@mail.ru; моб.: +38 050 1564425; +7 968 4812619

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОДОРАТИВНЫХ НОМИНАЦИЙ В ПОЭЗИИ С. А. ЕСЕНИНА

Аннотация. Статья посвящена исследованию одоративных номинаций в поэзии С. А. Есенина. Цель работы — выявление специфики использования поэтом запаховых названий. В качестве материала для сравнения используются поэтические произведения И. А. Бунина). Обозначаются характерные для авторской манеры С. Есенина способы репрезентации запахов. Предпринимаются попытки определения степени важности указанной группы номинаций в текстах С. А. Есенина, а также места запаховых образов в его поэтической картине мира в целом.

В заключении указывается, что одоративные номинации и стоящий за ними концепт «запах» играют определенную роль в поэтической картине мира автора, выступая иногда устойчивыми образами и неся в себе дополнительную смысловую нагрузку.

Ключевые слова: одоративные номинации, концепт «запах», поэтическая картина мира, устойчивые образы, С. Есенин.

Несмотря на то, что активное изучение концептов и их сущности началось еще в 80-х годах XX века, практически все учёные отмечают отсутствие единого определения данного термина. Мы опираемся на определение концепта, предложенное В. И. Карасиком: «Культурный концепт — многомерное смысловое образование, в котором выделяется ценностная, образная и понятийная стороны» [8]. Наличие у концепта образной и понятийной сторон (а также значимостной) отмечает и С. Г. Воркачëв [3]. Подобное толкование позволяет исследовать данный феномен с разных сторон, используя в качестве материала словари, данные социологии, психологии, культурологии, а также тексты художественной литературы. В последнем из перечисленных случаев рассмотрение употребления слов, репрезентирующих концепт, позволяет получить сведения, ценные не только для языкознания, но и способствующие более глубокому пониманию творческого замысла автора, что выводит нас, тем самым, в область литературоведения (здесь уместно будет вспомнить рассуждения М. М. Бахтина об изучении «техники формы» как части художественной формы вообще [см.: 1]).

Предлагаемая работа является частью нашего исследования, посвящённого концепту «запах». В данной статье мы хотели бы остановиться на использовании одоративных номинаций в поэзии С. А. Есенина. В качестве материала для сравнения мы приводим поэтические произведения И. А. Бунина, которые были проанализированы нами ранее [2].

Из всех чувств человека обоняние, как известно, до сих пор остаётся наименее изученным. Затруднение вызывает не только определение механизма восприятия запахов, но и их типизация. Неудивительно, что с классификацией наименований запахов возникают еще большие трудности. В лингвистике встречаются разрозненные работы, использующие различные методы классификации и основанные на разном типе материала. Из известных нам исследований данной проблемы следует упомянуть работы Н. С. Павловой [10], рассматривающей структурно-семантические особенности одоративных номинаций на материале немецкого языка, а также И. В. Тарасюк [12], выявляющей когнитивные особенности запаховых названий во французском языке. Изучением ольфакторальной лексики и её роли в художественных произведениях занимаются М. В. Одинцова (И. А. Бунин) [11], Н. Иванова и Т. Ильюхина (А. П. Чехов) [6; 7], О. Г. Згазинская (М. А. Волошин) [5] и др.

На наш взгляд, рассмотрение запаховых названий в поэзии требует особого подхода ввиду специфики самой поэтической картины мира. Ж. Н. Маслова так пишет об этом: «С когнитивной точки зрения, поэзию следует рассматривать и как производное индивидуального сознания, и как отражение общекультурного уровня развития, так как поэт является представителем социума и этноса. Кроме того, искусство поэзии согласуется со способностью достраивать образ по отрывочным элементам — фундаментальной способностью восприятия человека» [9, с. 35]. Поэтому в данной статье мы не останавливаемся на какой-либо одной классификации, а обращаемся к различным методам анализа, в зависимости от того, чем интересен тот или иной пример.

В электронном собрании сочинений С. А. Есенина методом сплошной выборки нам удалось обнаружить 106 контекстов, репрезентирующих концепт «запах». В 59 случаях данное семантическое значение передается при помощи имени существительного. Начнём с центральной лексемы концепта — *запах*. Слово это не несёт в себе оценочной информации, поэтому может использоваться как для описания приятных запахов, так и для неприятных. В текстах С. А. Есенина данная лексема встретилась нам 13 раз. В некоторых случаях она употребляется с многозначными глаголами, приобретающими в таком контексте «запаховое» значение (их мы рассмотрим, когда речь пойдет о глаголах). В остальном, можно сказать, что автор использует слово запах тогда, когда ему важно подчеркнуть источник его выделения. Этому способствует конструкция *имя существительное со*

значением запаха + имя существительное в родительном падеже, которое обозначает источник запаха. Например:

Мне нравится запах травы, холодом подоженной <...> [4, с. 9].

Иногда такие конструкции употребляются в любовной лирике:

Зёрна глаз твоих осыпались, завяли, / имя тонкое растаяло, как звук, / Но остался в складках смятой шали / Запах мёда от невинных рук [4, с. 220].

Стихотворения о любви, зачастую, говорят нам о близости людей. Трудно не согласиться, что упоминание запаха человека, врезавшегося в память, определённо вскрывает эту близость. Подобные моменты есть и в лирике И. А. Бунина (*Всё тот же зной и дикий запах лука / в телесном запахе твоём* [2, с. 170]). Как известно, запахи вызывают воспоминания, причём они пробуждают не логическую память, а эмоциональную. Неудивительно, что дорогие для человека моменты, люди и места ассоциируются с запахами. Следующий пример тому подтверждение: *И, встречаясь с извозчиками на площади, / Вспоминая запах навоза с родных полей, / он готов нести хвост каждой лошади, / Как венчального платья шлейф* [4, с. 146–147].

Тема крестьянства — одна из ключевых тем творчества С. А. Есенина. Родная природа, поля, быт представлены в его стихотворениях со всей полнотой. Не составляют исключения и запахи Родины. В то время как запахи мёда и роз появляются в любовной лирике, трав и навоза — в стихах о родном крае, церковные мотивы и тема смерти неразрывно связываются с запахом ладана: *В роще чудились запахи ладана, / В ветре бластались стуки костей. / И пришли к нам неожиданно-негаданно / С дальней волости груди вестей* [4, с. 113].

Запах ладана, который курят во время панихиды по умершим, становится предвестником лихих вестей. Усиливает чувство тревоги упоминание стука костей. В данном случае автор прибегает не только к обонятельным образам, но и к акустическим. Вообще, обращение к восприятию (обонятельному, тактильному, зрительному и т. д.) свойственно лирике как С. А. Есенина, так и И. А. Бунина. Синестезия как художественный приём часто используется обоими авторами, но у каждого из них приобретает различные черты. Так, С. А. Есенин стремится создать максимально яркий образ (здесь сказывается увлечение имажинизмом), И. А. Бунин же пытается не упустить из виду ни малейшей детали, сближаясь, таким образом, с импрессионистами.

Интересно также, что у С. А. Есенина тема смерти получает обрамление описаниями природы: *Запах ладана от роши ели льют, / Звонки ветры панихидную поют* [4, с. 206]. Вероятно, смерть воспринимается лирическим героем как часть миропорядка, а увядание в природе вызывает соответствующие ассоциации с человеческой жизнью (*Все мы, все мы в этом мире тленны* <...> [4, с. 251]).

Нейтральным значением при описании запахов обладает лексема *дух*. В стихотворениях С. А. Есенина она встретилась нам дважды, и в обоих случаях — с определением *хлебный*:

(1) *Сон избы легко и ровно / Хлебным духом сеет притчи* [4, с. 339].

(2) *Тихо от хлебного духа, / Снится кому-то апрель* [4, с. 345].

Данное словосочетание в текстах поэта не просто передаёт значение запаха, но символизирует собой спокойствие, тишину и умиротворение. Если в доме пахнет хлебом, значит, люди в нём не будут голодать. Получается, что хлебный дух — это, своего рода, знак крестьянского благополучия.

Осознание поэтом своих крестьянских корней приводит его к использованию диалектной лексики, которую не встретишь в текстах И. А. Бунина. Для нас это, в первую очередь, слово *пах* в значении 'запах': *Дробь копыт и хрип торговок, / Пьяный пах медовых сот. / Берегись, коли не ловок: / Визорь пылью разметёт* [4, с. 208].

Нелитературное слово хорошо вписывается в общий контекст, представляющий нашему взгляду базарную площадь, толкотню народа вперемешку с лошадьми. Благодаря обонятельным, визуальным и акустическим образам картина происходящего действительно оживает.

Помимо лексем с нейтральной оценкой запаха, конкретизирующейся в контексте, С. А. Есенин использует и такие, в которых оценка запаха задана изначально. Так, нам однажды встретилось слово *аромат*: *Хороша ты, Персия, я знаю. / Я сегодня пью в последний раз / Ароматы, что хмельны, как брага* [4, с. 286]. Как видно из стихотворения, лирический герой прощается с Персией. Для описания запахов, присущих этой прекрасной, но чужой стране, поэт использует слово с иноязычным корнем, возможно, не осознавая этого. Однако в стихотворениях о природе России лексема *аромат* не встречается.

Переходим к лексемам с негативной оценкой запаха. Это *вонь, смрад, чад* и *угар*. Следует отметить, что большинство из этих слов встречается в стихотворениях и поэмах на социально-политические темы, а негативная характеристика запаха, таким образом, переносится на ситуации и события, описываемые в этих произведениях. Обратимся к наиболее ярким примерам: *В красном стане храп, / В красном стане смрад. / Вонь портяночная / от сапог солдат* [4, с. 56]. Неприятные запахи разделяются на *смрад* и *вонь*, причём *смрад* выступает общей характеристикой состояния в стране, а *вонь* исходит от конкретного источника — *сапог*. В данном примере с помощью запаховых номинаций характеризуется помещение и люди, находящиеся в нём. В следующем примере речь идёт о политическом строе: *Монархия! Зловещий смрад! / Веками шли пиры за пиром. / И продал власть аристократ / Промышленникам и банкирам* [4, с. 178].

Для усиления впечатления С. А. Есенин прибегает даже к употреблению двух лексем со значением 'запах' в одном предложении: *Кто бросит камень в этот пруд? / Не троньте! / Будет запах смрада, / Они сами в себе умрут, / Истлеют падью листопада* [4, с. 156]. Речь здесь идёт о людях, не способных понять и принять новшества в социальной жизни России. Исходя из конструкции,

выходит, что смрад — это источник запаха. Автор явно наделяет это слово дополнительным смыслом, связывая его с отставшими людьми и проводя мотивы смерти (*сами в себе умрут*) и гниения (*надью созвучно с падалью*).

Ещё один уникальный и чрезвычайно красочный (хоть и неприятный) образ встречаем в следующем тексте: *Не просунет когтей лазурь / Из пургового кашля-смрада; / Облетает под ржанье бурь / Черепов златохвойный сад* [4, с. 142]. Наличие семы 'запах' уходит здесь на второй план. Важной остаётся только негативная характеристика и осознание ненормальности ситуации. Пурга не метёт, она *смрадно кашляет*, если попытаться развернуть этот образ. Резкие перемены, происходящие в стране, сравнимы для поэта со стихийным бедствием, а нормальное течение жизни, очевидно, с лазурью (хотя наличие у последней когтей также настораживает).

Ещё одно существительное, на которое хотелось бы обратить внимание — это слово *дым*. С.И. Ожегов в своём словаре не отмечает у данной лексемы наличие семы 'запах'. Однако, на наш взгляд, в некоторых контекстах, когда речь идёт о курении либо пожаре, эта сторона значения может проявляться.

В общей сложности, в текстах С. А. Есенина мы обнаружили 28 случаев употребления лексемы *дым* (с наличием запаховой семантики и без неё). Такое количество употреблений не могло не привлечь нашего внимания. Следует отметить, что наименования запаха табака, махорки и пр. часто встречаются и в произведениях И. А. Бунина, но там они передают своё прямое значение. В случае с текстами С. А. Есенина, слово *дым*, помимо прямого значения, получает значение образное, ассоциативное, иногда слабо вяжущееся с основным значением и сближающееся с ним лишь по какому-либо признаку.

Итак, относительно просто обстоит дело с табачным дымом. Здесь значение прямое, есть сема запаха (запах табака). Например: *Курит — дым идёт / На три сажени, / Во немецких одеждах / Разнаряженный* [4, с. 47–48].

Через манеру курения охарактеризован царь Пётр. Так что даже табачный дым не так прост: *Глядит на Маркса, / Как на Саваофа, / Пуская Ленину в глаза / Табачный дым* [4, с. 153]. Пример интересный, так как может быть понят в разных направлениях. Сравнение Маркса с Саваофом вызывает ассоциации с церковным курением. В таком случае, табак на современном уровне развития страны заменяет ладан. С другой стороны, пускать дым (или пыль) в глаза значит задурманить. Очевидно, это поддельно-восторженное отношение к новым идеалам и хотел продемонстрировать автор.

В таких контекстах функция слова *дым* близка к функции слов *смрад*, *вонь* и *чад*: это не описание запаха, а негативная оценка происходящего.

Совсем по-другому звучит лексема *дым* в стихах о природе и в любовной лирике: *Не жалею, не зову, не плачу, / Всё пройдёт, как с белых яблонь дым. / Увядаешь золотом охваченный, / Я не буду больше молодым* [4, с. 250–251]. Строки эти довольно известны и воспринимаются читателем без всяких затруднений. *Белых яблонь дым*, очевидно, значит здесь цветение яблоневых деревьев. Точнее даже, скорость их отцветания. *Дым*, таким образом, — символ эфемерности жизни, её скоротечности и необратимости.

Таким образом, за существительными со значением запаха зачастую стоит нечто большее, нежели просто запах.

Перейдём к рассмотрению глаголов. В поэтических текстах С. А. Есенина мы обнаружили 36 случаев употребления глаголов для обозначения семантики запаха. Как известно, наиболее распространённой глагольной конструкцией, репрезентирующей запах, является «*безличный глагол* (форма 3 лица ед. числа либо среднего рода прошедшего времени) + *существительное в творительном падеже* (источник запаха)». Например: *Пахнет вербой и смолою. / Сильно то дремлет, то вздыхает. / У лесного аналая / Воробей псалтырь читает* [4, с. 214].

Таких конструкций у С. А. Есенина 8. Конструкция с личной формой глагола *пахнуть* менее употребительна, однако встретилась нам 4 раза. Например, в «Анне Снегиной»: *Приехали. / Дом с мезонином / Немного присел на фасад. / Волнующе пахнет жасмином / Плетнёвый его палисад* [4, с. 37]. В данном случае отдельно выделяется источник запаха (*жасмин*) и его носитель (*палисад*).

Помимо этого, глагол *пахнуть* может употребляться в переносном значении: *В скандале убийством пахнет. / И в нашу и в их вину / Вдруг кто-то из них как ахнет! / И сразу убил старшину* [4, с. 27]. *Пахнет убийством* — предчувствие того, что в драке кого-то могут убить. Такая развязка ожидаема героем.

Кроме форм глагола *пахнуть*, С. А. Есенин использует многозначные глаголы, которые в определённом контексте приобретают значение 'распространение запаха'. Например: *Тянет мягкой гарью с сухих перелесниц* [4, с. 26]. А также: *Туча кружево в роце связала, / Закурился пахучий туман* [4, с. 207].

В первом случае существительное *гарь* явно указывает на запах горелого. Глагол *тянет* характеризует способ его распространения. *Гарью* не просто пахнет, но запах её доносится с *сухих перелесниц*. Во втором случае сему 'запах' содержит прилагательное *пахучий*. А глагол, как и в первом примере, конкретизирует способ распространения. Конструкции подобного рода позволяют С. А. Есенину помимо немногочисленных глаголов запаха использовать другие, разнообразя, тем самым, способы репрезентации запахов. Так, для передачи значения 'распространение запаха' поэт использует такие лексемы (приводим в той форме, в которой они встречаются в тексте. — Т. Р.):

струить (гниенье), тянет (гарью), отдаёт (дымком), кадит (спорынья), задымился (вечер), закадили (дымом), дымится (овсяная гладь), веют (поцелуи).

Не найдя подходящего слова, С. А. Есенин создаёт новое. Например: *Помирись лишь в сердце со врагом, / И тебя блаженством ошафранит* [4, с. 207]. *Ошафранит*, очевидно: 'обдаст запахом шафрана'. Налицо авторский окказионализм: *шафран* → *шафранить* → *ошафранить*, где промежуточное звено выпущено (чересступенчатое словообразование).

В стихотворениях С. А. Есенина, помимо глаголов распространения / выделения / наличия запаха, мы обнаружили глаголы, репрезентирующие процесс восприятия: *нюхать, понюхать, чуть (Бреду и чую яровое / По голубеющей воде* [4, с. 220]), а также глаголы со значением 'насыщение посторонним запахом': *провонять, пропахнуть (Провоняю я редькой и луком. / И, тревожа вечернюю гладь, / Буду громко сморкаться в руку / И во всём дурака валять* [4, с. 253]).

Таким образом, С. А. Есенин использует достаточно широкий арсенал глагольной лексики для передачи семантики запаха, превосходя в этом смысле И. А. Бунина, ключевой структурой у которого является «*безличный глагол + существительное в творительном падеже*» (с небольшими исключениями, например, когда запахи передаются через контекст: *Полночный звон степной пустыни, / Покой небес, тепло земли, / И горький мёд сухой полыни, / И бледность звёздная вдали* [2, с. 130]).

Что касается прилагательных, то помимо традиционных лексем (*вонючий, смрадный, пахучий, душистый, благоуханный*), С. А. Есенин использует просторечные, которые мы не встретим у И. А. Бунина: *духовитый и духмяный (Духовитые дубравы / Кличут ветками к реке* [4, с. 214]).

Особый интерес вызывает следующий пример: *Свобода взметнулась неистово. / И в розово-смрадном огне / Тогда над странюю калифствовал / Керенский на белом коне* [4, с. 28]. В данном случае сложное прилагательное *розово-смрадный* представляет собой совмещение цветописи с обонятельным описанием. *Розовый огонь* приобретает негативную характеристику через лексему *смрадный*. Все четверостишие пропитано экспрессией и отражает негодование героя, его отрицательные эмоции.

Причастия со значением запаха, представленные в текстах С. А. Есенина — это *пропахший, дымлящий, смердящий, кадящий*. Первая лексема встречается четыре раза и репрезентирует отмеченную нами ранее у глаголов семантику 'пропитывания запахом от источника'. Например: *Чёрная, потом пропахшая выть! / Как мне тебя не ласкать, не любить?* [4, с. 217]. *Выть*, вероятно, дорога крестьянину в силу того, что пропитана его потом, возделана его руками. Запах здесь — следствие тесной связи человека и земли.

В текстах С. А. Есенина мы также обнаружили два наречия: *зловонно* и сравнительную степень от лексемы ароматно — *ароматней*. Остановимся подробнее на втором случае: *Ароматней медуницы / пахнет жней весёлых пот* [4, с. 111].

Глагол *пахнет* не несет в себе однозначной характеристики запаха. Через сравнительную конструкцию (*ароматней медуницы*) мы узнаем о степени приятности запаха *пота весёлых жней*. Здесь следует сделать уточнение: вряд ли *пот пахнет ароматней медуницы*, но именно авторская оценка процесса жатвы (*жней весёлых*) делает такое сравнение уместным.

Итак, одоративная лексика в произведениях С. А. Есенина поражает своим разнообразием. Помимо лексем, традиционно используемых для репрезентации концепта «запах», автор прибегает к многозначным словам, приобретающим в контексте запаховое значение, диалектной лексике, а также к созданию окказионализмов. Практически все запаховые образы поэта невероятно красочны и эмоциональны, так что их оценочное значение зачастую переносится на весь контекст. Иногда при описании запахов С. А. Есенин прибегает к словам из других лексико-семантических групп восприятия, передавая, таким образом, запах через звук, цвет, вкус и тактильные ощущения. Одоративные номинации, в свою очередь, могут быть использованы в переносном значении. Таким образом, можно заключить, что одоративные номинации и стоящий за ними концепт «запах» занимают значимое место в поэтической картине мира автора, выступая иногда устойчивыми образами и неся в себе дополнительную смысловую нагрузку.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном и художественном творчестве // Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. — М., 1975. — С. 6–71.
2. Бунин И. А. Стихотворения и переводы / И. А. Бунин; [сост. и авт. вступ. ст. В. Смирнов; авт. коммент. О. Елагина]. — М.: Эксмо, 2008. — 480 с.
3. Воркачёв С. Г. Концепт счастье в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа / С. Г. Воркачёв. — Краснодар, 2012. — 142 с.
4. Есенин С. А. Собрание сочинений [Электронный ресурс] / С. А. Есенин. — Режим доступа: http://royallib.ru/book/esenin_serгей/sobranie_sochineniy.html.
5. Згазинская О. Г. Обонятельно-вкусовое отображение пространств Киммерии и Парижа (на материале лирики М. А. Волошина) [Электронный ресурс] / О. Г. Згазинская. — Режим доступа: <http://zkola.ru/docs/index-652928.html?page=10>.
6. Иванова Н. Прелестные подробности в ялтинском рассказе «Дама с собачкой» [Электронный ресурс] / Н. Иванова. — Режим доступа: <http://www.repetitor.org/materials/chekhov.html>.
7. Ильюхина Т. Ю. «Запах счастья» у Чехова [Электронный ресурс] / Т. Ю. Ильюхина. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/1/il21.html>.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
9. Маслова Ж. Н. Поэтическая картина мира в контексте гуманитарного и филологического знания / Ж. Н. Маслова // Когнитивия, коммуникация, дискурс. — 2011. — № 3. — С. 26–41.
10. Павлова Н. С. Конкретная лексика с семантическим компонентом «запах» (На материале толкового словаря немецкого языка DUDEN) / Н. С. Павлова // Известия Уральского государственного университета. — 2004. — № 33. — С. 33–45.

11. *Одинцова М. В.* Художественно-стилевая роль слов лексико-семантического поля «запах» в произведениях И. А. Бунина (Аспекты номинации и предикации): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Одинцова Мария Владимировна. — М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2008. — 27 с.
12. *Тарасюк І. В.* Особливості номінацій запахів у сучасній французькій мові: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.05 / Тарасюк Інна Василівна; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. — К., 2002. — 21 с.

References

1. *Bahtin M. M.* Problema sodержaniya, materiala i formy v slovesnom i hudozhestvennom tvorčestve // Voprosy literatury i jestetiki / M. M. Bahtin. — M., 1975. — S. 6–71.
2. *Bunin I. A.* Stihotvorenija i perevody / I. A. Bunin; [sost. i avt. vstup. st. V. Smirnov; avt. komment. O. Elagina]. — M.: Eksmo, 2008. — 480 s.
3. *Vorkachjov S. G.* Konzept schast'e v russkom jazykovom soznanii: opyt lingvokulturologičeskogo analiza / S. G. Vorkachjov. — Krasnodar, 2012. — 142 s.
4. *Esenin S. A.* Sobranie sochinenij [Elektronnyj resurs] / S. A. Esenin. — Rezhim dostupa: http://royallib.ru/book/esenin_serгей/sobranie_sochineniy.html.
5. *Zgazinskaja O. G.* Obonjatel'no-vkusovoe otobrazhenie prostranstv Kimmerii i Parizha (na materiale liriki M. A. Voloshina) [Elektronnyj resurs] / O. G. Zgazinskaja. — Rezhim dostupa: <http://zkola.ru/docs/index-652928.html?page=10>.
6. *Ivanova N.* Prelestnye podrobnosti v jaltinskom rasskaze «Dama s sobachkoj» [Elektronnyj resurs] / N. Ivanova. — Rezhim dostupa: <http://www.repetitor.org/materials/chekhov.html>.
7. *Il'juhina T. Ju.* «Zapah schast'ja» u Chehova [Elektronnyj resurs] / T. Ju. Il'juhina. — Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/1/il21.html>.
8. *Karasik V. I.* Jazykovoju krug: lichnost', koncept, diskurs / V. I. Karasik. — Volgograd: Peremena, 2002. — 477 s.
9. *Maslova Zh. N.* Pojetičeskaja kartina mira v kontekste gumanitarnogo i filologičeskogo znaniya / Zh. N. Maslova // Kognicija, komunikacija, diskurs. — 2011. — № 3. — S. 26–41.
10. *Pavlova N. S.* Konkretnaja leksika s semantičeskim komponentom «zapah» (Na materiale tolkovogo slovarja nemeckogo jazyka DUDEN) / N. S. Pavlova // Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. — 2004. — № 33. — S. 33–45.
11. *Одинцова М. В.* Художественно-стилевая роль слов лексико-семантического поля «запах» в произведениях И. А. Бунина (Аспекты номинации и предикации): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Одинцова Мария Владимировна. — М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2008. — 27 с.
12. *Тарасюк І. В.* Особливості номінацій запахів у сучасній французькій мові: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Тарасюк Інна Василівна; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. — К., 2002. — 21 с.

РУСЕНКО Тетяна Іванівна,

аспірант кафедри загального мовознавства і історії мови Донецького національного університету; Донецьк, Україна;
e-mail: rusenko-tanya@mail.ru; моб.: +38 050 1564425; +7 968 4812619

СПЕЦИФІКА ВИКОРИСТАННЯ ОДОРАТИВНИХ НАЗВ У ПОЕЗІЇ С. О. ЄСЕНІНА

Анотація. Статтю присвячено дослідженню одоративних назв у поезії С. О. Єсеніна. Мета роботи — виявлення специфіки використання автором запахових назв. Матеріалом для порівняння слугують поетичні твори І. О. Буніна. Виявлено властиві авторській манері С. О. Єсеніна способи репрезентації запахів. Зроблено спробу з'ясувати ступінь важливості зазначеної групи назв у текстах С. О. Єсеніна, а також місце запахових образів у його поетичній картині світу взагалі. У висновках вказується, що одоративні номінації і концепт «запах», який за ними стоїть, відіграють певну роль у поетичній картині світу автора, виступаючи іноді як стійкі образи і несучи в собі додаткове смислове навантаження.

Ключові слова: одоративні назви, концепт «запах», поетична картина світу, сталі образи.

Tatyana I. RUSENKO,

Postgraduate Student of General Linguistics and History of Language Department, Philological Faculty Donetsk National University; Donetsk, Ukraine;
e-mail: rusenko-tanya@mail.ru; моб.: +38 050 1564425; +7 968 4812619

THE SPECIFIC USAGE OF OLFACATORY NOMINATION IN THE POETRY BY SERGEY ESENIN

Summary. The paper is devoted to the analysis of the nominations of odor in the poetry by Sergey Esenin. The aim of the work is the identification of the author's specifics of usage of olfactory nominations (in comparison with poetic works by Ivan Bunin). Typical writer's methods of representation of smell are identified. The author of paper tries to determine the degree of importance of this group of nominations in the texts by Sergey Esenin and place of scent imagery in his poetic worldview. In the conclusion has been stated that the odorative nominations and the underlying concept of «smell» it play a significant part in the author's poetic worldview and sometimes become repeated images which bear an additional meaning.

Key words: nominations of odor, mental representation of scent, poetic worldview, repeatable images.

Статтю отримано 15.04.2014 р.